

Будаев Э. В.

"GETICA" ИОРДАНА: ГЕРОИ И ЗЛОДЕИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ВОЙН

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-1/14.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. I. С. 42-44. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

с лексическим значением и именуемым объектом пытались внести ясность средневековые языковеды и философы. Они отклонили сформулированный выше общий тезис Августина о конвенциональной связи материи всякого слова с ментальным содержанием сознания, предложив провести границу между «естественными» и конвенциональными по своей материи словами языка.

По нашему мнению, эту задачу средневековые ученые решить до конца не смогли. Если «естественные» слова связывать с механизмом образуемой опытом ассоциации, то разделение слов на «естественные» и конвенциональные мало информативно – ассоциация не намного «естественнее» конвенционального увязывания материи слова с ментальными состояниями сознания и соответствующими объектами обозначения.

Кажется ясным положение, что произвольные (конвенциональные) знаки не даны от природы, а произвольно установлены и приняты по соглашению. Но ведь и спонтанно, стихийно в ходе исторического формирования языка сложившиеся ассоциации между материей слов и ментальными состояниями сознания и денотатами слов вполне допустимо трактовать как «молчаливое соглашение», ставшее простой традицией.

Таким образом, в основе как «естественных», так и конвенциональных знаков лежит согласие членов языковой общности, общества. Как «естественные», так и конвенциональные знаки в этой связи означают только то, что в определенном обществе принято понимать под данными знаками.

По нашему мнению, прав Ульям Оккам, высказавший мысль о том, что о «естественности» можно говорить только в отношении связи ментальных состояний сознания с объектами именованного, обозначенного. Произнесенное или написанное слово означает те самые объекты, которые отражаются ментальным представлением. Большинство так называемых «естественных» слов содержат в себе несомненный элемент произвольности. И именно наличие принятых обществом и закрепленных за знаком значений позволяет говорить о возможности сближения в точке понятости.

Список использованной литературы

1. Блаженный А. Против академиков. - М.: Греко-латинский кабинет Ю.Ф. Шигалина, 1999. – 191 с.
2. Гадамер Г. Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. – М., Прогресс, 1988. – 486 с.
3. Коштов В.В. Информационные системы и феномен жизни. - Тбилиси, 1998. – 195 с.

«GETICA» ИОРДАНА: ГЕРОИ И ЗЛОДЕИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ВОЙН

Будаев Э. В.

Нишнетагильская государственная социально-педагогическая академия

Современный интерес к когнитивным структурам и процессам, находящим отражение в политическом дискурсе довольно высок, но как показывают специальные исследования, этот интерес современностью и ограничивается [Будаев, Чудинов 2007]. В центре внимания настоящего исследования – модель «сказки о справедливой войне», реализуемая в средневековом политическом сознании.

В рамках риторического направления политической лингвистики было показано, что в основе конструируемой в современном политическом дискурсе «сказки о справедливой войне» лежит необходимость в морализации конфронтации, а сама «сказка» содержит в себе редуцированную историю с заданным набором типичных агентов: Герой, Злодей, Жертва. Три агента этого типичного нарратива (далее – тринарная модель) зафиксированы на примере анализа политического дискурса во многих странах мира. Так, Дж. Лакофф регулярно указывал на тринарную модель Сказки о справедливой войне в политическом дискурсе США, выявив несколько ее вариантов (сказка о спасении, сказка о самозащите) [Lakoff 1991; 2004]. Вслед за ним многие исследователи фиксировали эту модель в американском политическом дискурсе [Hiebert 2003; Kennedy 2000; Mowlana et al. 1992]. Аналогичную модель рассматривает А.П. Чудинов на примере анализа российской метафористики [Чудинов 2003]. А. Абрантес демонстрирует актуализацию тринарной модели в португальском и немецком дискурсах [Abrantes 2001], а Р. Кусисто показала ее распространенность на примере сопоставительного анализа политического дискурса лидеров США, Франции и Великобритании [Kuusisto 1998].

Исследователи показали, что Сказка о справедливой войне может реализовываться в разных культурно-специфических вариантах (вестерн, крестовый поход, битва на Косовом поле и др.). К примеру, в роли Героя может выступать *ковбой, полицейский, рыцарь-христианин, партизан* или просто *цивилизованный человек*, а Злодей объективируется в образе *кроважадного индейца, сексуального маньяка, уголовника, нациста, зверо-человека* и т.п. Вместе с тем фреймовая, типизированная структура (тринарная модель) остается неизменной.

Столь обширное распространение тринарной модели наводит на мысль о ее межкультурном изоморфизме. Более того, универсальность этой модели прослеживается на примере анализа политического мирового интердискурса на протяжении последних ста лет, что наводит на мысль о том, что эта модель обладает диахроническим изоморфизмом.

В настоящем исследовании предпринята попытка выяснить, является ли метафорическая сказка о справедливой войне архетипичной моделью осмысления и оправдания войны или ее фреймовая структура видоизменяется с течением времени. Для этого обратимся к материалу, отстоящему от современности на 15 столетий.

Для решения поставленной задачи необходимо выбрать адекватный материал для исследования. В средние века не было ни газет, ни радио, ни телевидения, которые служат благодатными источниками для исследователей современного политического дискурса, поэтому при выборе материала необходимо обратиться к источникам, которые до известной степени содержат наиболее значимые характеристики, релевантные для изучения «сказки о справедливой войне». Другими словами, необходим источник

- 1) наиболее полно представляющий политическую историю рассматриваемой эпохи;
- 2) изобилующий описанием военных конфронтаций;
- 3) оправдывающий военные действия определенного сообщества;
- 4) написанный с идеологических позиций этого сообщества и являющийся элементом дискурса власти.

Учитывая изложенные требования, для анализа было выбрано произведение «De origine actibusque Getarum» («О происхождении и деяниях Гетов»).

Во-первых, «De origine actibusque Getarum» — одно из крупнейших произведений эпохи раннего средневековья, дающее широкую картину европейской военно-политической истории. Во-вторых, описываемые в нем события относятся к «эпохе переселения народов». Этот период средневековой истории особенно насыщен военными конфликтами, связанными с грандиозными миграциями племен, крушением Римской империи, образованием варварских королевств (Иордан — автор произведения — описывает историю готов, начиная с того времени, когда они покинули Скандинавский полуостров и доводит события до 551 г.).

«De origine actibusque Getarum» представляет собой сокращенное изложение несохранившегося труда «История готов», написанного Кассиодором, приближенным остготского короля Теодориха. Вместе с тем у Иордана было в распоряжении только три дня, чтобы ознакомиться с трудом Кассиодора, поэтому произведение содержит его собственные вставки и интерпретации. Сам Иордан служил нотариумом у крупного остготского военачальника Гунтигиса Базы. Таким образом, выбранное произведение удовлетворяет и двум последним требованиям: его «авторы» (учитывая Кассиодора) — представители готского сообщества, пишущие о войнах готов в интересах готской власти.

Не вдаваясь в политические подробности той эпохи, отметим, что в сочинении Кассиодора содержалось утверждение права остготов на полную независимость их королевства от империи, а перед Иорданом, очевидно, стояла задача сгладить этот аспект, чего требовала текущая политическая ситуация. В произведении Иордана присутствует «почтительность» по отношению к империи, которой, вероятно, не было у Кассиодора. Иначе не было бы и смысла создавать переработку «Истории готов». Однако это обстоятельство едва ли могло отразиться на описании военных конфликтов, в которых готы участвовали до столкновения с империей, и типичных для той эпохи средствах их оправдания. И тем более оно не могло изменить количество агентов в фреймовой структуре «сказки о справедливой войне».

Как показал анализ, во всех описываемых Иорданом военных конфликтах актуализирована *бинарная модель* Сказки о справедливой войне. Для морального оправдания войны не нужна беззащитная Жертва. Достаточно доблестного Героя, чья моральность как раз и заключается в его доблести, способности сокрушить противника. Злодей плох не потому что обидел Жертву, а потому что слабее Героя. Слава Героя напрямую зависит от количества убитых врагов и поверженных народов.

Дж. Лакофф продемонстрировал [Lakoff 1996], что основной вопрос политического дискурса — вопрос морали. Однако основания морали в разные исторические эпохи неравнозначны. Готы приносили своим богам человеческие жертвы (культ бога войны Арея фракийского). Военнопленные были средством умиловать богов, поэтому и война — средство умиловать богов, а значит улучшить свое благосостояние, отвести от своего народа беды и несчастья. При таком мировоззрении война моральна по определению, для ее оправдания не нужна «слабая Жертва». «Слабая Жертва» — это и есть враг-Злодей, потенциальный кандидат занять место на жертвенном алтаре. Для средневековой сказки о справедливой войне достаточно *бинарной модели*. Почему же *тринарная модель* оказалась не востребована в раннесредневековом политическом дискурсе?

Христианизация варварских германских племен еще только начиналась, и хотя Ульфила уже перевел Библию на готский язык, готы сохраняли языческое видение войны и типичные представления о ее моральных основаниях. Можно предположить, что становление (или возрождение) тринарной модели Сказки о справедливой войне связано с распространением христианства, формированием в общественном сознании мелиоративных признаков концепта жертвенности, формированием этики защиты слабого. Впрочем, для подтверждения или опровержения гипотез о факторах функционирования бинарной модели требуются дополнительные исследовательские изыскания.

Полученные данные не являются основанием для экстраполяции выводов на весь раннесредневековый европейский политический дискурс. Однако они заставляют осторожнее относиться к хронологической универсализации полученных в рамках анализа современного политического дискурса закономерностей.

Список использованной литературы

1. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации. М., 2007.
2. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2007.
3. Abrantes A.M. As Dimensões Semântica e Pragmática do Eufemismo na Imprensa. Uma abordagem cognitiva. Lisboa, 2001.

4. **Hiebert R.** Public Relations and Propaganda in Framing the Iraq War: A Preliminary Review // *Public Relations Review*. 2003. Vol. 29. № 3.
5. **Kennedy V.** Intended tropes and unintended metatropes in reporting on the war in Kosovo // *Metaphor and Symbol*. 2000. Vol. 15. № 4.
6. **Kuusisto R.** Framing the Wars in the Gulf and in Bosnia: The Rhetorical Definitions of the Western Power Leaders in Action // *Journal of Peace Research*. 1998. Vol. 35.
7. **Lakoff G.** Don't Think Of An Elephant! Know Your Values and Frame the Debate: The Essential Guide for Progressives. White River Junction, 2004.
8. **Lakoff G.** Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf // metaphor.uoregon.edu/lakoff-1.htm – 1991.
9. **Lakoff G.** Moral Politics: What Conservatives Know That Liberals Don't. Chicago, 1996.
10. **Mowlana H., Gerbner G., Schiller H.** Triumph of the image: The media's war in the Persian Gulf: A global perspective. Boulder, 1992.

СПЕЦИФИКА НОМИНАТИВНОЙ ФУНКЦИИ, ВЫПОЛНЯЕМОЙ ПРИДАТОЧНЫМ ВООБЩЕ И ПРИСУБСТАНТИВНО-АТРИБУТИВНЫМ В ЧАСТНОСТИ

Валенис Г. В.

ГОУ СПО «Железноводский педагогический колледж»

Рассматриваемый нами присубстантивно-атрибутивный тип сложноподчиненного предложения (СПП) обозначен во всех учебных пособиях. Традиционная классификация, в которой выделяется этот тип, не подвергается сомнению, но в то же время и не теряет актуальности. Актуальность данной структурно-семантической единицы синтаксиса состоит в перспективах номинационно-синтаксического изучения этой разновидности, так как вносит свой вклад в разработку словаря нового типа - словаря текста. В самом деле, в чем состоит специфика основанной на номинативной функции «словарности» конструкций, в основе которых лежит придаточное присубстантивно-атрибутивного типа (ПАТ)? Ср.: *В противоположность своей жене доктор принадлежал к тому числу натур, которые во время душевной боли чувствуют потребность в движении...* (Чехов)*.

Мы выдвигаем следующую гипотезу: идея словаря нового типа связана с изучением проблемы языковой картины мира, но не на базе лексико-фразеологического сообщества (Н.М. Шанский), а с учетом всех свойств и признаков явлений, которые предстают в их взаимосвязях, в их динамике при словоупотреблении. Динамический словарь мы сегодня понимаем как синтаксический словарь, такой словарь, который отражает коммуникативные интенции говорящего и номинационно-синтаксические функции, поэтому принципиально будет сказать о роли синтаксической функции языковой единицы. Необходимо дифференцировать функции вообще, функции лингвистические, функции на прагматико-синтаксическом уровне, синтаксические функции в зависимости от контекста и значения данных функций в решении коммуникативных задач. Так, Е.С. Зенович определяет функцию как: 1) деятельность, обязанность, работу и 2) как внешнее проявление свойств какого-либо объекта в данной системе отношений, например, «функция денег», также дает определения функции в лингвистике - «это назначение, роль (иногда и значение) языковой единицы или элемента языковой структуры» [5]. «Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса» Г.А. Золотовой указывает нам на то, что «синтаксическая функция - конструктивная роль синтаксической единицы в построении коммуникативной единицы. С этой точки зрения для характеристики синтаксической единицы существенным оказывается разграничение и противопоставление трех основных возможностей, трех функций синтаксиса:

- 1) самостоятельное, изолированное употребление единицы;
- 2) употребление единицы в качестве компонента предложения;
- 3) присловное употребление единицы в качестве компонента словосочетания... Термины функция и позиция... обозначают понятия более общей и более конкретной ступени абстракции: тот или иной тип функции как потенцию, как виртуальную способность, которую синтаксема реализует в определенной синтаксической позиции в той или иной модели предложения или словосочетания...» [2]. Данная «способность» неизбежно подводит нас к необходимости рассматривать номинационно-синтаксические потенции лексического материала языка, а значит - и ее выход в план синтаксической номинации как участия синтаксических единиц в семиозисе - наделении знаковой оболочкой денотатов окружающей нас действительности.

Теория синтаксической номинации, разрабатываемая в трудах А.А.Булова, предполагает выделение предикативных наименований как высшей формы организации словарного «строительного материала», при этом придаточные определительного типа и берут функции единиц этого словаря, который обслуживает языковую картину мира, в первую очередь нерасчлененный тип. Специфика этого типа, согласно учению Л.Ю. Максимова, заключается в таком предикативном соотношении придаточного с главной частью, когда в последней - главной - есть структурный элемент - слово определенной части речи (имя существительное или субстантивированная часть речи), которое выступает посредником в полипредикативных связях. Достаточно глубоко это рассматривается в базовых учебниках современного русского языка [3].

В лингвистике также достаточно полно исследован местоименно-соотносительный тип нерасчлененных конструкций СПП, которые включают в свой состав фразовую номинацию (Н.И. Пельтихина, А.А. Булов, Я.А. Фрикке). Однако есть все основания предполагать, что к фразовым наименованиям близки и придаточ-